

Чи Юцин слегка улыбнулся и чисто формально пожал протянутую руку Фу Цзибиня, тут же отстраняясь. Его взгляд оставался ледяным, хоть улыбка и казалась безупречной.

— И впрямь, стоит познакомиться заново, — вежливо отозвался он. — Прошлый я и нынешний — совершенно разные люди. Знаете, господин Фу, сейчас я шелковый и невероятно заботливый. Не верите — спросите у дядюшки. Он мой главный свидетель.

С этими словами он подошёл к Дуань Цзинсяню и доверчиво прижался плечом к его плечу. Слегка наклонив голову, Юцин улыбнулся с самым невинным и кротким видом.

Цзинсянь привычным жестом взъерошил ему волосы. Хотя он и не совсем понял, с чего это парень внезапно решил приластиться, но охотно сыграл вместе с ним.

— И то правда, — подтвердил он, обращаясь к другу. — Очень послушный и заботливый.

Фу Цзибинь, наблюдая за этой картиной, почувствовал, как внутри всё смешалось.

Цзинсянь ни с кем и никогда не вел себя настолько сокращенно и тепло — даже с родным братом. А здесь? Движения естественные, отточенные, сразу видно: в неформальной обстановке это повторялось далеко не единожды.

Юцин сделал это перед ним намеренно.

И ведь Цзинсянь, совершенно не замечая подводных течений, так легко потакал ему... Насколько же глубока его попустительская мягкость?

Юцин чуть прищурился. В угле зрения Цзинсяня его улыбка на мгновение угасла. Да, он открыто метил территорию и заявлял права на «добычу». Если у Фу Цзибиня хватит дерзости — пусть попробует добиться от Цзинсяня такой же слепой покладистости.

Столько лет быть рядом и не сделать ни шага? А теперь намекать, будто их связь глубже?

Поздно.

Раньше Юцина здесь не было. Теперь он пришёл — и ни единого шанса никому больше не оставит.

В пересечении взглядов Фу Цзибинь без труда прочитал этот немой вызов и отчетливо осознал: как бы ни складывалось прошлое, время изменилось. Перед ним стоял опасный соперник. От парня так и веяло затаённой агрессией — как от дикого волка, защищающего свою добычу.

И всё же, досадуя на их близость, Цзибинь не слишком тревожился. Отношение Цзинсяня к юноше смахивало скорее на опеку старшего, о чем-то ином тот вряд ли помышлял.

Дуань Цзинсянь насквозь видел людей и бизнес, но в чувствах оставался вопиюще слеп. Вдобавок он был убежденным холостяком. Не будь это так, разве сам Цзибинь за столько лет не продвинулся бы ни на шаг?

Каким бы дерзким ни казался Юцин, всё это не более чем детские игры.

Серьёзной угрозы он не несёт.

Успокоившись этими мыслями, Цзибинь попрощался и ушёл. Откуда у мальчишки возьмётся терпение? Завоюй-ка попробуй Цзинсяня. Оставалось лишь ждать, пока тот сам отступится, разбившись о его неприступность.

Едва друг со своим ассистентом скрылись за дверью, Дуань Цзинсянь, так безупречно сыгравший свою роль, слегка наклонил голову к Юцину, всё еще прижимавшемуся к его плечу, и недоуменно спросил:

— Ты не влюбил Цзибиня? Что-то стряслось?

Он ведь не был слепым.

Фу Цзибинь полностью оправдывал своё имя: безупречные манеры, мягкость, высочайший эмоциональный интеллект. В шоу-бизнесе он крутился не первый год, заслужив идеальную репутацию и уважение. По логике вещей, даже если Юцин не сошелся бы с ним характерами, поводов для... откровенной неприязни у него быть не должно.

Услышав этот вопрос, Юцин выпрямился, подошел к столу и взялся за влажную салфетку. Лицо его оставалось холодным.

Выбросив салфетку в урну, он лишь после этого повернулся к Цзинсяню:

— То, что он хороший человек, — это одно. А вот сможем ли мы общаться и нравится ли он мне — совсем другое. Прямой связи тут нет.

— Что ж, логично, — согласился Цзинсянь. — Раз не нравится, просто ограничим ваше общение.

В кругу семьи и друзей каждый держится дистанции по-своему.

Юцин неопределенно буркнул в ответ и снова шагнул к Цзинсяню, на пару секунд крепко обняв его за талию. У него не было брезгливости — салфетка понадобилась лишь для того, чтобы не прикасаться к любимому дяде той самой рукой, которую только что пожал соперник.

Ему не хотелось, чтобы Цзибинь хоть как-то — пусть даже опосредованно — прикасался к Дуань Цзинсяню.

Во многих вещах он был бессилен, но там, где контроль оставался за ним, попустительства он не допускал.

В остальном вмешиваться в жизнь Цзинсяня он не собирался. Друзей у того и так немного. Если кинематографический «император» и дальше будет держаться в рамках разумного, это станет лучшим исходом.

Если же тот решит перейти границы — Юцин уступать не намеревался.

Ресторан на вечер выбирал Юцин. Стоило им остаться вдвоем, как строгие правила Цзинсяня о соблюдении тишины за едой временно испарились. Они непринужденно беседовали, наслаждаясь ужином.

Похвалив подачу, Цзинсянь вспомнил о суматохе в студии «Ясный день» и заметил:

— С твоими навыками у тебя отличные перспективы. Услуги студии сейчас востребованы на рынке. Юцин, хочешь, я познакомлю тебя с несколькими потенциальными клиентами?

И тут же добавил:

— Но я лишь сведу вас. А вот сможешь ли ты договориться и на каких условиях — зависит только от тебя.

Услышав это, Юцин пододвинул свой стул вплотную к Цзинсяню, плечом к плечу, и с улыбкой отозвался:

— Студия пока не переварит слишком большой объем заказов. Я не тороплюсь — лучше двигаться постепенно. Нароботаем базу, притремся друг к другу, а там и дела сами пойдут в гору. Дядюшка, не волнуйся: если мне действительно понадобится помощь, я скромничать не стану~

Цзинсянь окинул его быстрым взглядом и подправил ситуацию, отправляя сочное ребрышко прямо в этот не затыкающийся рот. Ровно так, как парень делал до этого сам. Кормить его с рук оказалось неожиданно забавным занятием.

При этом неподдельная искренность и ласка Юцина доставляли ему глубокое удовлетворение.

Ему это искренне нравилось.

Настроение у Юцина было отличным, но в голове крутилась одна мысль. Когда с ужином было почти покончено, он слегка откашлялся и невзначай спросил:

— Дядюшка, а этот киноактер Фу... он что, действительно все эти годы ни с кем не встречался? Тоже весь с головой в работе, как и ты?

Цзинсянь, не планировавший возвращаться к теме друга, удивленно вскинул бровь:

— Ты же вроде его не взлюбил? Откуда такой интерес?

Юцин невинно улыбнулся:

— Одно другому не мешает. Неприязнь не отменяет любопытства.

Цзинсянь хоть и не понял до конца причин, допытываться не стал:

— В этом мы с ним действительно похожи. Он страстно увлечен актерской игрой, и семья уважает его выбор. Что до личной жизни... насколько мне известно, в ближайшее время у него нет таких планов. Он хочет полностью отдаться карьере и выжать максимум из профессии до того, как уйти из индустрии. Он единственный сын в семье, так что возвращение к семейному бизнесу — лишь вопрос ближайших лет.

Юцин мысленно переварил услышанное и окончательно успокоился.

Понятно. Ни словом не обмолвился.

Ну и трус. Должно быть, услышав некогда от Цзинсяня об убежденном холостячестве, Фу Цзибинь смалодушничал и предпочел застрять во френдзоне. Лишь бы не рисковать испортить отношения и не лишиться статуса близкого друга.

Понять такую логику Юцин мог, но уважать — нисколько.

За столько лет рядом — и профукать столько возможностей! До любви ведут тысячи путей: если один перекрыт, ищи другой. Но топтаться на месте? Это не осторожность, это банальная непригодность.

Ему оставалось лишь сокрушаться, что он не встретил Цзинсяня раньше. Раз господин Фу не

оценил своего счастья — пусть не обессудь, теперь первенство переходит к другому.

У Юцина было козырное преимущество, недоступное остальным: он находился прямо у источника. В этот момент он готов был поставить тысячу лайков самому себе за решение, принятое сразу после перемещения — выписаться из больницы и с ходу въехать в дом Цзинсяня! Это был гениальный ход.

Да и выбор места для студии оказался идеальным.

В последнее время он при любой возможности заворачивал в Корпорацию Дуань. Своим человеком там он уже стал для всех, к нему привыкли. План работал на ура, и сбавлять обороты он не собирался. Фу Цзибинь — человек занятой, мелькать перед глазами Цзинсяня с такой частотой у него точно не выйдет.

Слишком много оглядок и сомнений. Взвешенность — черта хорошая, но когда объект твоей страсти сам безынициативен и глух к намекам, вся эта «продуманность» превращается в обычный якорь.

Просто удобный предлог, чтобы прикрыть собственную трусость.

Уложив мысли по полочкам, Юцин посмотрел на Цзинсяня и произнёс:

— У каждого свой путь. Главное — уметь отвечать за сделанный выбор.

Цзинсянь кивнул. Слова звучали разумно. Жизнь — как вода: только пьющий знает, холодна она или тепла. Если речь не идет о принципиальных вопросах морали, делить мир на черное и белое бессмысленно. Каждый решает сам, что для него ценно.

Для него самого — будь то годы одинокого ожидания или нынешняя попустительская мягкость, вызывающая изумление у окружающих, — всё это было в радость.

И ничьё мнение его не волновало.

Обратная дорога после ужина прошла легко: вечерние пробки уже рассосались. По спонтанному предложению Юцина, одобренному Цзинсянем, они сделали небольшой крюк и немного прокатились по ночному городу. Затем был дом, душ, вечерний рассказ и сон. С Цзинсянем его режим стал удивительно правильным.

А главное — ему искренне не хотелось пропускать совместные завтраки и утренние поездки на работу.

Выпросив у двери хозяйской спальни традиционные «ночные» объятия, Юцин неспешно

поплелся к себе, намереваясь ненадолго заглянуть в ноутбук перед сном. Однако его планы и настроение бесцеремонно нарушил звонок с незнакомого номера.

Первый вызов он просто сбросил. Когда телефон зазвонил повторно, он выждал секунд пятнадцать и только потом нажал на кнопку ответа. Голос в динамике нельзя было назвать родным, но узнал он его мгновенно.

Бунтующий младший братец его дядюшки.

Они виделись пару дней назад и расстались далеко не на мажорной ноте. Звонок от такого персонажа не сулил ничего хорошего по определению. Но дослушав поток речи на том конце провода, Юцин осознал: он ещё слишком хорошо думал о человеке.

Это было не просто «не к добру» — это был запредельный сюрреализм.

Дуань Минъюй без раскачки перешёл к делу, не скрывая раздражения:

— Хватит разыгрывать комедию! За эти дни я всё просек. Не надо мне затирать, будто Дуань Цзинсянь промыл тебе мозги или ты повелся на его сказочки. Никакой ты не псих, ты просто притворяешься! Прикинулся больным, чтобы втереться к нему в доверие и вынюхать обстановку, да?

«Ну-ну, эксперт хренов, — подумал Юцин. — Давай, вываливай дальше».

— Я тебя насквозь вижу! — продолжал вещать Минъюй. — И сейчас нам выпал идеальный шанс. Давай объединимся и преподнесем этому святоше урок! Тебе же проще всего — ты сидишь прямо у него под носом. Доступ в его кабинет у тебя есть? У него сейчас намечается крупная сделка. С его манией работать без продыху он сто пудов притащит документы домой на выходные. Ты скомкаешь эти бумаги, вынесешь мне, а остальное я беру на себя. Обещаю, он влетит так, что мало не покажется!

Пока Юцин слушал этот бред, его лицо секунда за секундой становилось ледяным, а во взгляде закружилась настоящая метель.

«Просёк он меня? Да хрена с два ты просёк, идиота кусок! Самодовольный дебил. У этого "второго молодого господина" вместо мозгов в черепушке жидкая манная каша!»

Такого братца надо сливать не задумываясь. Продать с потрохами, доплатить за доставку и отправить к черту на кулички!

Паразит недоделанный!

Да, Дуань Цзинсянь бывает суров и жестковат. Но не будь в нем этой стальной хватки, от наследия семьи Дуань давно бы ничего не осталось — стая голодных родственников сожрала бы всё вместе с костями. А этот отпрыск, вместо того чтобы ценить защиту старшего брата, пыряет ему ножом в спину. Неблагодарное отребье!

Слова, готовые сорваться с языка и испепелить собеседника, Юцин в последний момент удержал.

Замышляет пакость?

Что ж... Зачем мешать родному братцу вырыть себе отличную яму?

<http://bllate.org/book/20021/1991464>